

DOI: 10.31857/S032103910013096-8

H. MOURITSEN. Politics in the Roman Republic. Cambridge—New York: Cambridge University Press, 2017. XII, 202 p. ISBN: 978-1-107-65133-3

В книге Хенрика Моритсена «Политика в эпоху Римской республики», вышедшей в кембриджской серии «Ключевые темы античной истории», излагаются и развиваются идеи, высказанные автором в его предшествующих трудах, прежде всего монографии о римском плебсе¹.

Как известно, в историографии долгое время доминировало представление о господстве нобилитета в римской политике, споры шли не о роли народа и том, как на практике действовали его собрания², а о характере и составе *factiones* и степени замкнутости (или, наоборот, открытости) римской элиты; олигархический характер римской политической системы не ставился под сомнение. Однако в 1980-х годах Ф. Миллар выступил с концепцией римской демократии, согласно которой в действительности в Риме, особенно в 60–50-х годах³, народ играл гораздо более важную роль в политике, нежели принято считать, влияя на нее через трибунные комиции (так как, по мнению ученого, именно их деятельность играла решающую роль), сходки и суды. В 70 г. господство сената терпит крах, и на смену ему приходит «политика народа (*popular politics*)», расцвет которой продолжался до 55 г. (усматривается даже значительное сходство с классическими Афинами)⁴. Эта точка зрения вызвала благосклонный интерес у одних ученых⁵ и немалые возражения у других. В ходе дискуссии оппоненты Миллара (Э. Флайг, М. Йене, К.-Й. Хёлькескамп и др.)⁶ усомнились в той важности, которую он придавал трибунным комициям, считая их деятельность скорее символической, но кое в чем восприняли его подход, признав, в частности, что народ оказывал заметное влияние на римскую политику на сходках (*contiones*)⁷.

Книга Моритсена — новая веха в этих дискуссиях. Отталкиваясь от построений оппонентов Миллара, исследователь предлагает собственную трактовку политической системы Римской республики. По его словам, центральный тезис работы — опровержение мысли Полибия, будто Рим обязан успехами своей политической системе, скорее он побеждал вопреки ей (с. 166). Это важно потому, что Миллар опирается во многом именно на построения ахейского историка. Как и многие другие ученые, Моритсен подвергает критике как плод излишнего теоретизирования рассуждения Полибия о римском государственном устройстве⁸, в котором, по мнению послед-

Выражаю признательность к.и.н. В.К. Хрусталёву (Санкт-Петербург) за полезные консультации при работе над рецензией.

¹ Mouritsen 2001; 2013, 63–82; 2015, 146–163.

² Разве что в самой общей форме: Mommsen 1881, 94–95; Syme 1939, 10. Й. Блейкен предложил объяснение упадка народных собраний: Bleicken 1975, 263–285. См. возражения Э. Флайга: Flaig 1995, 85–87.

³ Здесь и далее все даты — до н.э.

⁴ Millar 1984, 1–19; 1986, 1–11; 1989, 138–150; 1995, 91–113; 1998.

⁵ Особенно см. Lintott 1987, 34–52; North 1990a, 3–21; 1990b, 277–287. Примечательно, однако, что статья Э. Линтота посвящена лишь Средней республике, а Дж. Норт усматривает больше сходства между Римом и Спартой, нежели между Римом и Афинами (North 1990b, 287).

⁶ В концентрированном виде взгляды названных исследователей нашли отражение в сборнике о римской демократии (Jehne 1995), явившемся реакцией на теорию Миллара.

⁷ См., например: Flaig 1995, 93–96; Hölkeskamp 1995, 30; Morstein-Marx 2004. Идея эта восходит еще к Т. Моммзену (Mommsen 1881, 94).

⁸ По мнению Моритсена, уподобление консулов царям неправомерно; консулы, вопреки Полибию, не являлись противовесом сенату, и т.д. (с. 10–12).

него, главное то, что институты не действуют один без другого, служа друг другу противовесами, а основная проблема состоит в моральном развращении правителей. Иной подход у Цицерона. Он, как отмечает Моритсен, отказывается от идеи противостоящих конституционных элементов, которые борются за власть и ресурсы. У него мы наблюдаем платоновский образ несхожих звуков, создающих музыкальную гармонию. Она символизирует согласие римлян, и именно благодаря этой гармонии, а не силе и принципам конституции обеспечивается согласие (*concordia*). Народ имеет право на *libertas*, но осуществляет власть по советам опытных людей и делегирует исполнительные функции магистратам, поскольку элита имеет право на лидерство. В законе базовые принципы *libertas* народа не прописаны, а потому эта система основывается, если судить по Цицерону, исключительно на моральных обязательствах верхов (с. 9–15).

Но что же собой представляло политическое устройство Рима? Моритсен описывает его следующим образом. Формально суверенитет народа под вопрос не ставился, но понимался он иначе, чем у эллинов. Комиции считались высшей властью, но, как уже много раз указывалось в историографии, реализацию этой власти стесняло множество факторов – собирались они лишь по воле магистратов; дебаты по поводу законопроектов не проводились, все ограничивалось голосованием «за» или «против», причем считали голоса, в отличие от греков, не по «головам», а по центуриям или трибам; посещение комиций не оплачивалось и т.д. Кроме того, они вообще выражали мнение очень небольшой части гражданского коллектива, поскольку в собраниях участвовало всего лишь несколько тысяч человек (цифры предлагаются разные), причем это почти никогда не давало повода ставить под сомнение легитимность принятых комициями решений – напротив, большое число присутствующих не приветствовалось. По мнению Моритсена, римские власти вполне сознательно сокращали число участников собраний, запретив, например, проводить их в базарные дни, тем самым устранив селян от присутствия в комициях. Примечательно также, что в Риме не существовало специально установленных дней для комиций, как в Афинах, и никто не заботился об увеличении пространства для них. Значение имело не число участников (понятия кворума у римлян не существовало), а правильная процедура, соблюдение которой позволяло считать, что присутствующие, сколь бы немногочисленны они ни были, олицетворяют *populus Romanus* («в высшей степени формализованная, даже символическая версия народа»)⁹. По-видимому, предполагалось не столько принятие законопроектов, сколько их единодушное одобрение, единственным исключением являлась ситуация, когда комиции выступали в качестве судебного органа. Регулярное отклонение законопроектов привело бы к раздору, а не к согласию, которого от народа традиционно ожидали верхи. Неудивительно, что в комициях, как правило, эти ожидания оправдывались. Примечательно также, что плебейские институты (прежде всего *concilia plebis*), от которых, казалось бы, можно было ожидать большего демократизма, представляли собой зеркало официальных институтов *res publica*. Иначе говоря, уже на ранних этапах плебейская элита равнялась на патрицианскую, и тогда становится понятнее, почему требования *populus* столь часто игнорировались. Да и настоящего «демократического» движения в Риме не было (с. 16–18, 26–29, 33–34 etc.).

Последнее время ученые, как уже отмечалось выше, часто обращают внимание на роль сходок в Риме (*contiones*). Нередко говорят о переносе политического процесса из комиций на сходки, где народ и политики оказывались лицом к лицу. Власть народа благодаря им становилась *mutatis mutandis* подлинной и осязаемой: одобренное на сходках редко отвергалось на комициях. Статус народа таким образом «восстанавливался» как бы «через черный ход» (с. 61–62).

Такая точка зрения стала, по выражению Моритсена, новой «ортодоксией», причем, как он сам признает, некоторые основания для этого есть: *contiones* собирались часто, иногда ежедневно, они способствовали саморекламе политиков, помогали мобилизовать общественное мнение в поддержку тех или иных законопроектов или против них; агрессивное поведение участников одной *contio* могло быть угрозой для участников другой, где собирались сторонники политических-конкурентов. Наконец (и это едва ли не важнее всего), они играли важную идеологическую и символическую роль, через них хотя бы формально осуществлялось прямое общение политиков с народом. Однако роль *contiones* как демократических институтов, по мнению Моритсена, не стоит преувеличивать – подобно комициям, их собирали и проводили магистраты, которые могли просто не дать слова неудобным лицам. Конечно, иногда поведение толпы становилось

⁹ Своего рода развитие идеи Й. Блейкена о народных собраниях как «институционализированном народе» (Bleicken 1975, 285).

непредсказуемым, но это случалось нечасто, поскольку обычно сходки посещали сторонники их организаторов. К тому же посещали их, как и комиции, люди зажиточные, располагавшие досугом. Наконец, не всегда одни и те же лица присутствовали на сходках и в комициях.

Моритсен также возражает против разработанной К. Майером теории *plebs contionalis*¹⁰, т.е. сплоченной группы постоянных посетителей сходок, определявших их характер и исход, считая, что она основана на вольном толковании источников¹¹. Не существовало, по его мнению, и особой *contional ideology*, которую, согласно Р. Морстейн-Марксу, использовали ораторы, чтобы привлечь народ¹². Но на деле, как показывают речи Цицерона, между выступлениями в судах, на сходках и в сенате принципиальная идеологическая разница отсутствовала. Отрицает Моритсен также и представления о существовавшей в период Средней и Поздней республики всеохватной системе клиентелы¹³, будто бы позволявшей контролировать избирателей, — она была слишком текуча, чтобы ее удавалось контролировать (с. 62–63, 76–77, 85–88).

По мнению Моритсена, в римской политической системе многое было направлено на смягчение форм соперничества между аристократами, чтобы оно не угрожало внутренней стабильности. Первоначально, как полагает ученый, верхушка сама решала, кто займет высшие должности, причем выборы явно не носили альтернативного характера. (Тезис крайне спорный и источниками не подтверждаемый, к тому же сомнительно, что во всех случаях элите удавалось добиться компромисса и избежать появления «лишних» кандидатов, да и их отсутствие противоречит всему, что мы знаем о римской политике.) После урегулирования конфликта между плебеями и патрициями решение внутри узкого круга из-за увеличения политического класса стало невозможным, и в конце IV в. соревновательные выборы превратились в норму. Но круг кандидатов был ограничен, предвыборные программы отсутствовали. При этом если кто-то терпел неудачу, она воспринималась менее болезненно, поскольку решение исходило не от «своих», а от менее заинтересованного народа. Свою роль в этом играло и введение *centuria praerogativa* (в идеале предполагалось отсутствие расхождений между ее волей и результатом голосования в целом), которая выбиралась по жребию, т.е. решение передавалось в руки богов. Случайный выбор одной единицы помогал другим центуриям минимизировать разделение и способствовать единодушному выбору. Впрочем, к концу Республики влияние *centuria praerogativa* упало (с. 40–42, 47–49, 93, 150).

Рассматривая неизбежные трудности, связанные с термином «популяры», Моритсен полагает, что здесь больше вопросов, чем ответов, — например, «архиоптимат» Сулла раздал огромное количество земли, а «популяр» Цезарь сократил число получателей хлеба. Автор возражает против подхода, при котором акцент делается не на политике, а на помыслах, искренности предполагаемых популяров, поскольку это сомнительный критерий, даже если бы у нас было больше данных. Слово «популяр» явно имело несколько смыслов, ни один из которых не являлся более «подлинным», чем другой. Следует также различать самих «популяров» и поведение, с которым их ассоциируют, *popularis ratio*. По мнению Моритсена, после книги его ученицы М.А. Робб¹⁴ стало «ясно, что если *popularis ratio* существовала, то «*populares*» не было, поскольку те, кто использовал такую стратегию, применяли ее к столь широкому кругу целей, что римляне не воспринимали их как представителей особой категории, в отношении которой можно использовать специальное наименование» (с. 123).

Но если с выявлением «популяров» дело обстоит очень непросто, то отрицать наличие популизма в Риме не приходится, и далее Моритсен ведет речь зачастую о тех же популярах, называя их популистами. Он полагает, что у Цицерона точка зрения на «популизм» не обязательно имела политическое наполнение, но отражала просто особую «позу» или стиль для привлечения внимания или одобрения; в большинстве случаев это мало чем грозило тем, кто вел себя подобным образом, — многие из них сделали вполне успешную карьеру (начиная от Фламиния и Варрона и кончая Марием). Можно было прослыть популистом, ничего откровенно популистского не делая, а если верить Цицерону, и просто по недоразумению, как то имело место, например, с Альфием Флавом, который не понял, чего хочет «истинный» народ, и поддержал Цезаря (*Sest.* 114) (с. 153–158).

Примечательно, что нет сведений, чтобы народ требовал крупных социально-политических перемен. Формально *populus Romanus* и так представлял собой высшую власть, а потому не ви-

¹⁰ См. Meier 1966, 114, 115, 141.

¹¹ См. также возражения У. Тейтама против этого термина: Tatum 1999, 29–30.

¹² См. Morstein-Marx 2004, 239–240.

¹³ В этом точки зрения Миллара и Моритсена совпадают (см. Millar 1984, 19; 1998, 7–9).

¹⁴ См. Robb 2010.

дел нужды в более демократической системе. Политический процесс имел мало общего с жизнью бедноты или не имел совсем, тем более что обычно комиции посещали скорее всего люди обеспеченные (при этом нелегко определить, кто такой «простой» римлянин). В то же время народ требовал уважения к себе. «Концептуализация *res publica* как основанной на партнерстве *senatus populusque Romanus* создавала идеологическую связь между массами и их лидерами, которые принимали стиль и манеру поведения, контрастировавшие с таковыми у большинства других аристократов. Уважение, даже почтение к *populus* укоренилось в риторической стратегии и политической аргументации» (с. 97). Показателен анекдот о Сципионе Назике, который, как считается, проиграл выборы в эдилы, потому что позволил себе непочтительную шутку в адрес крестьянина-труженика¹⁵. В целом же римская знать демонстрировала приверженность изрядным ограничениям, общаясь с низами, и это укрепляло ее положение (с. 71–73, 92, 97–98, 162).

Внутренней стабильности способствовала успешная экспансия, обогащавшая не только элиту, но и многих простых римлян, что позволяло, по удачному выражению автора, «экспортировать» социальные проблемы. По мнению Моритсена, «не политическая стабильность, как считал Полибий, являлась предпосылкой внешних успехов Рима; скорее его [удачная] военная экспансия лежала в основе политического консенсуса и создавала условия для относительного социального мира, который, как полагают, характерен для этого периода». К тому же нобилитет не был замкнутой кастой, допуская в свои ряды новых членов (с. 102–103). Хотелось бы заметить, что Полибий писал не просто о стабильности римского государственного строя, а об эффективности такового (ведь победы еще надо одержать). Другое дело, что уместнее говорить не о его официальных институтах, так интересовавших ахейского историка, а о менее формальных аспектах, которые признаёт и сам Моритсен: весьма мягких формах соперничества среди нобилей (в отличие как от многих полисов Эллады, так и от Карфагена), незамкнутости рядов нобилитета. К ним следует добавить стремление римской знати к воинской славе, особые почести победоносным полководцам, наконец, способность римской верхушки заинтересовать простых плебеев и союзников участием во внешней экспансии. Всё это и стало слагаемыми внешних успехов Рима, которые, в свою очередь, способствовали внутренней стабильности, и одно без другого вряд ли было возможно.

Тем не менее Республика в своей основе отличалась неустойчивостью в силу царивших в ней противоречий и соперничества нобилей; вызванный великими завоеваниями рост богатства мешал сплоченности элиты. Поэтому следует задаваться вопросом, не почему она пала, а как смогла так долго продержаться. Применительно ко II в. Ливий изображает стабильную систему, сглаживая или отбрасывая противоречащие этому факты и не драматизируя те, о которых всё же сообщает (например, что мешало сравнить с катилинариями Племиния, обвинявшегося, подобно им, в намерении поджечь Рим?). В действительности же трения внутри римской элиты были весьма значительными, а преемственность между Средней и Поздней республикой куда большей, чем нередко полагают. Падение республики произошло достаточно быстро — идея «столетнего кризиса» представляется Моритсену бессмысленной¹⁶, а считать 133 г. поворотным годом в истории Рима вряд ли верно. «Перемены, осуществленные Гракхами, были менее радикальными, чем часто предполагается. Мало свидетельств, например, что они стали применять новый вид основанной на идеологии политики, расколовшей элиту надвое» (с. 165). Тем не менее Моритсен признаёт 133 г. важной вехой в римской истории. Но раньше решение возникавших трудностей находилось, теперь же многое этому помешало. Особую роль сыграла экономическая важность аграрного вопроса, что повысило градус оппозиции. Распределение *ager publicus* угрожало интересам сенаторов, всадников и вообще *boni*. К тому же Тиберий, получивший беспрецедентную поддержку, был обвинен в стремлении к *dominatio*. Компромисс оказался невозможным, и Тиберия убили. Это выявило фундаментальную слабость аристократической *res publica*, опиравшейся на согласие, но имевшей мало легальных средств для его достижения (с. 105–111, 165–166).

Пожалуй, здесь Моритсен сам себя опровергает. Отрицая идею «столетнего кризиса», он тут же перечисляет последствия событий 133 г., которые выявили фундаментальную слабость Ре-

¹⁵ Val. Max. VII. 5. 2. Моритсен замечает по поводу этого сюжета: «Примечательно, что многие избиратели сочли обидным намек Назики на то, будто они бедняки, работающие своими руками» (с. 98, прим. 118). Однако вероятнее, что избиратели, по мысли Валерия Максима, обиделись на превращение в предмет насмешек «честной» бедности (не их самих, а как таковой).

¹⁶ При этом автор ссылается на книгу Г. Флауэр, где, правда, говорится о восьми десятилетиях, 133–49 гг. (Flower 2010, IX).

спублики, поскольку, в отличие от прошлых времен, к компромиссу прийти не удалось. Утверждение, будто в конфликте 133 г. не было ничего нового по сравнению с Средней республикой (с. 165), малоубедительно, так как в предшествующие столетия плебейских трибунов вместе с сотнями их приверженцев не убивали — факт слишком серьезный, чтобы его игнорировать или считать малозначительным «побочным эффектом». В связи с этим весьма спорно звучит и несколько расплывчато сформулированная идея о большей преемственности между Средней и Поздней республикой, нежели то принято считать.

Система работала при условии, что комиции, имевшие власть, ее не использовали. *Res publica* могла функционировать, только если все участники следовали неким (преимущественно неписаным) правилам, которыми со времен Гракхов пренебрегали все больше, а потому трещины в конституции становились всё более очевидны. Начался рост насилия, яркий пример которого — *senatusconsulta ultima*, формально нелегитимные, но тем не менее не раз применявшиеся. Базовый парадокс *res publica* состоял в том, что власть была у органа, ею формально не обладавшего, т.е. сената. Комиции приобрели новую роль, а позднее был проложен путь неограниченному влиянию отдельных лиц — Суллы, Помпея, Цезаря, членов второго триумvirата. При этом формально все изменения происходили по закону (и ничто тому не препятствовало), но противоречили аристократическим принципам (с. 166–168).

В конце книги автор несколько неожиданно обращается к теме Союзнической войны как одного из важнейших факторов, способствовавших падению республики. Она не только привела к распространению прав римского гражданства на всю Италию, но и имела тяжелые для Республики долгосрочные демографические последствия, а также обеспечила условия для превращения политического конфликта в гражданскую войну, хотя последняя и стала результатом совпадения не связанных друг с другом факторов. Присутствие бывших врагов в римской армии в последний век Республики добавило непредсказуемости уже нестабильной ситуации. Знать не смогла найти мирного решения италийского вопроса. Как отметил Р. Сайм¹⁷, приход к власти первого императора маркирует момент, когда италийцы, наконец, оказались близки к рычагам власти и замещению старой аристократии (с. 171–172).

Изложенная в книге точка зрения является не только полной противоположностью концепции Миллара¹⁸ — автор пошел дальше многих его критиков, считающих, как уже говорилось, именно сходы местом, где народ выражал свое мнение и творилась «живая» политика, тогда как трибунные комиции выполняли скорее символические функции¹⁹. Моритсен же счел, что их же выполняли и *contiones*, а заведомыми таковых были отнюдь не люди из низов²⁰. Тем самым он почти «устранил» простой народ из публичной политики, сохранив за ним лишь идеологическую и символическую роль, да и то речь может идти лишь о зажиточных слоях, у которых было время и желание посещать сходы и комиции²¹. По сути, Моритсен вернулся к представлениям первой половины XX в., однако если тогда скромная роль плебса в политических делах считалась само собой разумеющейся, то датский ученый подкрепил это мнение солидной аргументацией, с которой можно спорить или соглашаться, но которую нельзя игнорировать. Большинство высказанных им идей звучало и прежде, однако Моритсен придал им стройность и завершенность, выведя прежние воззрения на новый уровень.

В заключение хотелось бы сказать, что перед нами интересное и провокационное в лучшем смысле этого слова исследование. Идеи автора вызвали немало споров — нелегко после стольких лет дискуссий о римской демократии вновь признать весьма ограниченную роль народа в римской публичной политике. Однако мысль о символическом характере не только комиций, но и сходов не кажется столь уж шокирующей, если вспомнить о том, какое значительное место играла в римском праве фикция. Так или иначе, изучение римской политической системы продолжается, и роль книги Моритсена в ее осмыслении несомненна.

¹⁷ Со ссылкой на Syme 1939, ch. 24.

¹⁸ Как это подчеркивает М. Йене (Jehne 2020, 5).

¹⁹ Flaig 1995, 77–91 (там же см. литературу).

²⁰ Это вызвало возражения даже у критиков Миллара Хельескампа и Йене, которые считают, что у простых людей все же было время слушать политических ораторов (см. Jehne 2020, 5, 16, Anm. 38 со ссылками на работы обоих). Однако даже если так, отсюда не следует, что они делали это *en masse*, да еще и регулярно.

²¹ В отношении сходов такое мнение почти не высказывалось. В самой общей форме оно звучит у Д. Дзино, да и то лишь применительно к событиям 70-х годов (см. Dzino 2002, 106, 114).

Литература / References

- Bleicken, J. 1975: *Lex publica. Gesetz und Recht in der römischen Republik*. Berlin—New York.
- Dzino, D. 2002: *Annus mirabilis: 70 BC re-examined*. *Ancient History* 32/2, 99—117.
- Flaig, E. 1995: Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Aristokratie und Plebs. In: M. Jehne (Hrsg.), *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik*. Stuttgart, 77—127.
- Flower, H.I. 2010: *Roman Republics*. Princeton—Oxford.
- Hölkamp, K.-J. 1995: *Oratoris maxima scaena*. Reden vor dem Volk in der politischen Kultur der Republik. In: M. Jehne (Hrsg.), *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik*. Stuttgart, 11—49.
- Jehne, M. (Hrsg.) 1995: *Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der römischen Republik*. Stuttgart.
- Jehne, M. 2020: Die politische Kultur der römischen Republik in der deutschen Forschung. *Trivium* 31, 1—17.
- Lintott, A.W. 1987: Democracy in the Middle Republic. *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung* 104/1, 34—52.
- Meier, C. 1966: *Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik*. Wiesbaden.
- Millar, F. 1984: The political character of the classical Roman Republic, 200—151 B.C. *Journal of Roman Studies* 74, 1—19.
- Millar, F. 1986: Politics, persuasion and the people before the Social War (150—90 B.C.). *Journal of Roman Studies* 76, 1—11.
- Millar, F. 1989: Political power in mid-Republican Rome: curia or comitium? *Journal of Roman Studies* 79, 138—150.
- Millar, F. 1995: Popular politics at Rome in the Late Republic. In: I. Malkin, Z.W. Rubinsohn (eds.), *Leaders & Masses in the Roman World. Studies in Honor of Zvi Yavetz*. Leiden—New York—Köln, 91—113.
- Millar, F. 1998: *The Crowd in Rome in the Late Republic*. Ann Arbor.
- Mommsen, Th. 1881: *Römische Geschichte*. Bd. II: *Von der Schlacht von Pydna bis auf Sullas Tod*. 7. Aufl. Berlin.
- Morstein-Marx, R. 2004: *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge.
- Mouritsen, H. 2001: *Plebs and Politics in the Late Republican Rome*. Cambridge—New York.
- Mouritsen, H. 2013: From meeting to text: the *contio* in the Late Republic. In: C. Steel, H. van der Blom (eds.), *Community & Communication. Oratory & Politics in Republican Rome*. Oxford, 63—82.
- Mouritsen, H. 2015: The incongruence of power: the Roman constitution in theory and practice. In: D. Hammer (ed.), *A Companion to Greek Democracy and the Roman Republic*. Oxford, 146—163.
- North, J.A. 1990a: Democratic politics in Republican Rome. *Past and Present* 126/1, 3—21.
- North, J.A. 1990b: Politics and aristocracy in the Roman Republic. *Classical Philology* 85/4, 277—287.
- Robb, M.A. 2010: *Beyond Populares and Optimates: Political Language in the Late Republic*. Stuttgart.
- Syme, R. 1939: *The Roman Revolution*. Oxford.
- Tatum, W.J. 1999: *The Patrician Tribune: Publius Clodius Pulcher*. Chapel Hill.

Anton V. Korolenkov,

State Academic University

for the Humanities

Moscow, Russia

E-mail: sallust@list.ru

ORCID: 0000-0002-3628-2754

А.В. Короленков,

к.и.н.,

доцент Государственного академического
университета гуманитарных наук

Москва, Россия